



Анастасия Вежина

Последняя пощечина

18+

Анастасия Вежина

Последняя пощечина

«Автор»

2025

Вежина А.

Последняя пощечина / А. Вежина — «Автор», 2025

«Диагноз "хорошая жена" — штука хроническая. Как гастрит. Живешь, терпишь, а больничный по нему не дают». Десять лет Светлана была удобной тенью. Без мнения, без голоса, без мечты. Она убеждала себя, что молча сносить унижения — это и есть женская мудрость. А потом он ее ударил. Эта пощечина стала точкой невозврата. Иллюзия рухнула: ее брак — не семья, а клетка с хищником. Света сбегает в никуда, с одной сумкой и тремя тысячами в кармане. Но прошлое не готово ее отпускать. Бывший муж превращается в одержимого охотника, а каждый шорох за дверью парализует страхом. Сможет ли она выжить в мире, где за свободу нужно платить? И довериться мужчине, который готов не просто защитить, а доказать: любовь — это не боль, а уважение.

© Вежина А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	29
Г	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Последняя пощечина

Глава 1

Хлопнула дверь — так, что на плите дрогнула крышка. Рагу вскипело и плюнуло жирной каплей на конфорку. Запах тушёной говядины смешался с табаком, дешёвым пивом и октябрьской сыростью из подъезда.

Диагноз «хорошая жена» — хроническая болезнь. Как гастрит: живёшь, улыбаешься, а внутри постоянно жжёт. И не вылечишься, потому что лечить не положено.

Я помешала рагу, убавила огонь. Нож пошёл по доске — быстро, мелко, ритмично. Укроп, петрушка, укроп. Как заклинание: «Только бы сегодня обошлось».

Десять лет назад готовка казалась творчеством. Теперь — конвейер. Борщи, котлеты, рагу. И я на нём — не человек, а функция: накормить, постирать, вовремя замолчать.

В прихожей зашаркали ботинки. Куртка шлёпнулась мимо вешалки — глухо, зло. Потом голос, чуть громче нормы, с растянутыми словами:

— Свет, я дома!

«По кружечке пива». Одна превращается в три, три — в пять. Это ещё не страшно. Страшно — когда он приходит молча.

Вадим появился в дверях: рубашка расстёгнута, волосы взъерошены, на щеке красный след. От него тянуло табаком, пивом, холодной улицей. Ещё чем-то чужим, сладковатым. Парфюм? Нет. Показалось.

— Привет, — сказала я, продолжая мешать рагу.

— Чего готовишь?

— Рагу. Твоё любимое.

— О-о, — он улыбнулся. На секунду мелькнул тот Вадик: тёплый взгляд, ямочка на подбородке. Секунда — и всё. — Я умоюсь.

Он ушёл. Воздух будто полегчал. «Стадия благодушного». Хорошо. Может, не рванёт.

Я накрыла на стол: белая скатерть, тарелки с синей каёмкой — «семейные», подаренные его матерью. Хлеб, салфетки, стаканы. Пар от рагу поднимался лениво. Картинка «уют». Только от этой картинке хотелось отвернуться.

Он сел во главе. Я напротив.

— Как день прошёл? — спросила я, накладывая ему полную тарелку.

— Нормально. — Буркнул, взял ложку. — Работа. Ты же знаешь.

Знала. Начальник — козёл, коллеги — идиоты, зарплата — копейки. А менять — «куда я пойду в мои годы». Тридцать четыре — возраст, чтобы навсегда застрять.

Мы ели молча. Он согнулся над тарелкой, жевал сосредоточенно, зло. Ложка скребла по керамике — коротко, раздражённо.

— Как сама?

— Нормально. Уборку делала, в магазин.

— М-м.

Тишина. За окном густела темнота. Огни соседних домов расплывались в дождевой каше. Ложка в его руке остановилась.

— Мясо жестковато.

Слова упали спокойно — и в груди дёрнуло, как от внезапного холода.

— Что?

— Мясо. Жёсткое. — Взгляд потяжелел, стал мутным. — Ты опять в «Пятёрочке» самое дешёвое брала?

Пальцы онемели — будто кровь отхлынула. Я покупала на рынке, у Палыча, дороже, потому что две недели назад он уже устроил спектакль про «дрянь из магазина».

— Нет. — Положила ложку. — На рынке. У Палыча. Где ты сам говорил.

— Значит, Палыч обманул.

Во рту стало сухо. Злость поднялась горячей волной — выше горла, к вискам.

— Или корова нервничала, — тихо. — В отличие от некоторых.

Тишина звякнула громче любой ложки. Он застыл. Лицо начало наливаться краской — медленно, как закипающий чайник.

— Что ты сказала?

Холодная вода обожгла горло. Не успокоила — только подчеркнула, насколько всё внутри горячо и натянуто.

— Мясо бывает жёстким. Такое бывает.

— Нет! Ты сказала про «некоторых»! — Ложка полетела на стол, звякнула о край тарелки. — Ты на меня намекала!

— Вадим...

— Что «Вадим»?! — Голос сорвался вверх. Я втянула голову в плечи. — Ты вечно недовольна! Я пашу как конь, чтобы у тебя всё было, а тебе лишь бы язык почесать!

«Чтобы у тебя всё было». Три копейки на хозяйство — как подачка. «Моя квартира» — при каждой ссоре. «Не работай» — ошейник, замаскированный под заботу.

— Я не недовольна. — Голос держался, но внутри уже трясло. — Просто мясо бывает жёстким.

— Ага, «бывает»?! — Он резко встал. Стул скрипнул. — У тебя на всё отговорки! Может, ты готовить разучилась?

Желвак дёрнулся на скуле. Дыхание стало тяжёлым, злым. Мясо здесь было ни при чём. Ему снова требовалось на ком-то сорвать всё, что не складывалось в его жизни, а я сидела напротив — привычная и безопасная мишень.

— Может, и разучилась. — Слова вышли усталые, острые. — Закажи доставку.

Неправильный ответ. Я знала это так же ясно, как знала, где лежат его носки и на каком канале начинаются новости.

— Доставку! — засмеялся — лающе, зло. — На какие деньги?! Ты думаешь, у меня их куры не клюют?!

— Я не...

— Я тебя десять лет кормлю, одеваю, крышу над головой даю! — Шагнул, упёрся ладонями в стол, навис. От него пахло пивом и обидой. — А ты сидишь тут, как пани, и ещё рот распускаешь! Ты хоть понимаешь, как мне тяжело?!

«Крыша». Двухкомнатная на окраине, куда нас пустили его родители. Он до сих пор говорит так, будто купил её кровью, а я — не жена, а подобранная на улице кошка.

Кончики пальцев похолодели. Сердце стучало где-то в горле — тяжело, противно.

— Понимаю. — Тихо. — Прости. Я не хотела тебя расстраивать.

Он постоял ещё секунду, тяжело дыша. Потом резко выпрямился, махнул рукой.

— Да ладно. Забудь. Просто устал. Башка болит.

— Таблетку?

— Не надо. Сам.

Он вышел. В гостиной щёлкнул пульт, заговорил диктор. Звук, который живёт в нашей квартире каждый вечер последние десять лет.

Я сидела, смотрела на его недоеденную тарелку. На остывающее рагу — сверху уже схватился блестящий жир. На хлеб, от которого он откусил и бросил. Аппетит пропал — словно его выключили рубильником.

Посуду пришлось убирать. Соскрести остатки в ведро. Тарелки в раковину. Кран. Горячая вода ударила по пальцам — обжигающе. Губка кругами по тарелкам, кругами, кругами.

Из гостиной — телевизор, его редкие реплики. Не хотелось вслушиваться. Хотелось тишины. Но тишина у нас была особенная — тяжёлая, как мокрое пальто.

Когда закончила, вытерла руки, подошла к окну. Дождь моросил. Фонарь расплескал желтоватый свет по мокрому асфальту. Тени голых веток дрожали.

Лоб прижался к холодному стеклу. В отражении — размытое лицо. Тридцать два. Бледная женщина, которая когда-то мечтала о карьере, о любви — нормальной, где двое разговаривают, а не один на диване, другая у раковины.

Где-то там, под этим дождём, пары шли под одним зонтом, смеялись, мирились. А здесь — работающий телевизор и молчащий муж, который считает, что «кормлю, одеваю» — это любовь.

В груди снова дёрнуло. Тонко, зло. Как лёд под ногой: ещё держит, но ты вдруг понимаешь — дальше нельзя, провалишься.

И это всё? Белое платье, Мендельсон, «долго и счастливо» — и в финале мясо жёсткое и «моя квартира»?

Из гостиной потянулось знакомое сопение — он уже храпел.

Я стояла у окна, прижав ладонь к стеклу. Дождь смывал грязь с асфальта. А кто смоет эту липкую усталость с меня?

Пальцы сжались в кулак.

Завтра я не извинюсь первой.

Мысль пришла внезапно — и застряла, как заноза. Маленькая, острая.

Дождь барабанил по стеклу. Я закрыла глаза.

Завтра. Новый день. Завтрак, обед, ужин. Или новая ссора. Может, он придёт трезвый и будет виновато улыбаться.

Но я не извинюсь первой. Больше не буду.

Простое решение. Крошечное.

Но внутри оно щёлкнуло — как первая трещина на льду.

Глава 2

Тишина разбудила. Странная, непривычная — та, что бывает только когда спишь один. Вся кровать моя. Подушки мои. Одеяло никто не стягивает.

Вторая половина пуста. Значит, так и уснул на диване.

Восемь утра. Суббота. За окном серело и моросило. Квартира пахла кофе.

В гостиной диван был аккуратно заправлен, плед сложен. Никаких следов вчерашнего. Всё убрано. Всё чисто.

Плохой знак. Когда Вадим убирает за собой после пьянки, начинается спектакль «Шарман». Я назвала его так три года назад: он напивается, орёт, я обижаюсь. Утром он включает обаяние, я «прощаю». До следующего раза.

Раньше я верила. Сейчас знала сценарий наизусть.

На кухне Вадим стоял у плиты спиной ко мне. Волосы мокрые — успел в душ. От него пахло одеколоном. В восемь утра в субботу.

— Доброе утро, солнышко, — обернулся с той самой улыбкой. Тёплой, с ямочкой на подбородке. — Я тут приготовил сюрприз.

Поднял кухонное полотенце. Под ним — поднос с чашкой кофе, помятым круассаном, салфеткой треугольником.

— Кофе в постель! Ну, почти. Присаживайся.

Я села. Он поставил поднос, сел напротив. Ждал.

Кофе горячий, крепкий, с пенкой. Именно такой, как люблю.

— Ну? — не выдержал.

— Хороший кофе.

— Свет... — Наклонился. В глазах мольба. Хорошо отрепетированная. — Прости меня за вчера. Я был полным идиотом.

Главная фраза спектакля. «Прости меня». Два слова, после которых я должна растаять и сказать: «Всё хорошо, родной».

— Света, ну же. Я знаю, что был неправ. Просто на работе такое творится... Шеф опять прессует, проект горит. Я сорвался на тебе, а ты ни в чём не виновата.

Переложить вину на обстоятельства. Классика.

— Понимаю. — Ровно. — Бывает.

— Ты же знаешь, как мне бывает тяжело...

Знаю. Вадиму тяжело. Вадим не оценён по достоинству. Вадим сражается с драконами корпоративной культуры. Только почему-то его раны должна зализывать я.

— Знаю.

Круассан оказался чёрствым.

Вадим нахмурился. Спектакль шёл не по сценарию. Встал, обошёл стол, сел рядом. Слишком близко. Рука легла на плечо.

— Свет, миленькая, — заглянул в лицо снизу вверх. Большие глаза, полные раскаяния. Его коронный номер. — Я правда виноват. Обещаю, больше так не будет. Прости меня, а?

Раньше это работало.

Сейчас я смотрела на него и думала: интересно, на работе он тоже на начальника орёт? Или только дома можно кричать на беззащитных?

— Всё хорошо. — Выдавила улыбку. — Забудь. Действительно, всё бывает.

— Вот и помирились! — Просиял. Обнял за плечи, чмокнул в макушку. — Ты у меня самая лучшая! Самая понимающая!

Футболка пахла кондиционером для белья, который я купила на прошлой неделе. Я стирала это бельё, гладила, развешивала. Делала всё, чтобы ему было комфортно.

— Знаешь, давай сегодня куда-нибудь съездим? В парк, может? Давно мы никуда не выбирались.

Давно. Последний раз — в кино на боевик, который он выбрал. Два часа взрывов и погонь. Он был доволен. Я — нет. Но не сказала.

— Может, в другой раз? У меня стирка, уборка. Ты же знаешь, суббота.

— Ну ладно. Тогда я, может, к ребятам съезжу. Машину посмотреть, у Колька что-то с движком.

Конечно. К ребятам. Коляны, Серёги, Димы — свита вечных мальчиков, которые «смотрят машины», а на деле бухают в гараже.

— Конечно, езжай.

— Точно не обидишься?

— Не обижусь.

Он облегчённо выдохнул. Ему полегчало. Жена простила, можно выдохнуть.

— Я пойду соберусь. Вечером вернусь. — Остановился в дверях. — И кстати, рагу вчера было вкусное. Правда. Просто я устал был, сорвался. Не обращай внимания.

Хлопнула дверь. Он ушёл.

Несчастный круассан на блюде. Кофе вдруг показался горьким. Аппетита больше не было.

Поднос в раковину, чашка, блюдо. Круассан завернула в салфетку и выбросила.

Суббота. Впереди целый день стирки, уборки, готовки. Раньше мне нравилось. Это была моя территория. Но когда территория — только кухня, ванная и пылесос, стены всё уже.

Стиральная машина загудела. Я взяла швабру. Полы, пыль, ковёр. Механически. На автомате.

Наклонившись под диван — между подушками что-то тёмное. Вчерашняя рубашка Вадима. Та самая, в которой он пришёл с работы.

Машинально поднесла к лицу, проверяя, нужна ли стирка.

И замерла.

Запах.

Не его одеколон. Не табак. Не пот.

Духи. Женские. Дешёвые, приторно-сладкие, удушливые. Чужие.

Рубашка в руках. Понюхала снова — точно. Запах въелся в ткань. В воротник. Там, где чужая голова могла прижаться к его плечу.

Рубашка упала на диван — пальцы сами разжались.

Сердце ухнуло. В висках застучало.

Нет. Стоп. Не надо делать трагедию. Он мог случайно... что? Обнять кого-то? Столкнуться с накрашенной дурой в баре?

Но руки дрожали.

Взяла рубашку, пошла к стиральной машине. Бросила в корзину. Пусть стирается. Пусть этот запах смывается.

Но даже вернувшись к уборке, запах не уходил из головы. Приторный, липкий, чужой.

К обеду квартира сияла чистотой. Телефон в руках. На экране — Марина в красивом платье с бокалом шампанского. «Новый проект стартовал! »

В тёмном экране моё отражение: домашний халат, растрёпанные волосы, усталое лицо. Никакого шампанского. Только чистая квартира и муж, от рубашки которого пахнет чужими духами.

Написать Марине? «Привет, он вчера орал, сегодня принёс кофе, я простила. А ещё от его рубашки пахнет бабой, но я делаю вид, что не заметила»?

Марина всегда говорила: «Света, ты слишком мягкая. Тебя используют».

Может, она была права.

Телефон выключен. Легла на диван, уткнувшись лицом в подушку. Пахло стиральным порошком и Вадимом. И теми духами.

Вчерашний вечер. Его крики. «Ты вечно недовольна!» Сегодняшнее утро. Его улыбка. «Прости меня, солнышко». И эта рубашка с запахом чужой жизни.

Раньше его улыбка будто отменяла всё сказанное накануне. Я верила, что обаятельный Вадим — настоящий, а злой появляется случайно, от усталости или выпивки. Теперь оба лица складывались в одного человека. Утренний кофе ничего не отменял — только помогал дожить до следующего срыва.

За окном серело небо, шуршал дождь. Но из булочной снизу тянуло свежим хлебом — тёплым, уютным. Жизнь там, за окном, шла своим чередом. А я сидела в чистой квартире и понимала: чувства не выбросишь. Они копятя. И однажды их становится так много, что им некуда деться.

Стиральная машина пискнула. Мокрая рубашка на сушилку. Вода капала на пол. Капля за каплей.

Три часа дня. До его возвращения ещё четыре часа. Четыре часа до того, как я увижу его снова и буду изображать, что ничего не знаю. Что не чувствовала этот запах. Что всё ещё верю в его «прости» и «больше не будет».

Холодильник. На нём — магнит с Эйфелевой башней. Мы купили его когда-то на блошином рынке. Вадим сказал: «Когда-нибудь мы обязательно туда съездим. В Париж. Обещаю».

Восемь лет назад.

Дешёвая пластмасса, облупившаяся краска. Когда-то я верила, что это символ наших будущих путешествий.

Теперь это просто кусок пластмассы.

Мусорное ведро открылось. Магнит упал внутрь. Щёлкнуло.

Всё.

Холодильник холодный под ладонью. Глаза закрылись.

Вечером он вернётся. Может, трезвый, может, пьяный. Сядет за мой ужин. Посмотрит телевизор. Ляжет спать.

А я буду лежать рядом и думать о той женщине, чьи духи въелись в его рубашку. Та, другая, наверняка молодая. Красится. Носит каблуки. Не боится сказать, что думает. Не прощает за круассан и кофе.

А я стою в квартире, которую сама убрала, и жду мужа, который пахнет чужими духами. И буду молчать. Привыкла. Боюсь.

Боюсь скандала. Или развода. Нет — одиночества.

Или самого страшного: если спрошу, он скажет правду. И тогда придётся что-то решать. Что-то менять. А я разучилась быть сильной.

Дождь усилился. Серое небо, мокрый асфальт, пустая квартира.

Дверь напротив. Впервые я ждала его возвращения не с усталостью. Не с грустью.

Со страхом.

Страх: он придёт пьяный — будет новый скандал. Или трезвый — и я снова промолчу. Или я снова прощу.

Но больше всего — что в следующий раз не почувствую ничего. Ни боли, ни обиды, ни злости.

Когда чувств не остаётся — это конец. Не громкий, со скандалами. Тихий. Как этот дождь.

Телефон в руках. Имя Марины на экране. Палец завис над кнопкой вызова.

Позвонить? Сказать? «Марин, помнишь, ты говорила, что меня используют? Ты была права. И я больше не могу»?

Палец опустил.

Не сейчас. Но скоро.

Рубашка на сушилке качалась. Запах почти смылся. Но не из меня. Он вьелся глубже, чем в ткань.

Дождь барабанил по стеклу, смывая грязь с асфальта.

А я стояла с телефоном в руках и понимала: что-то изменилось. Не громко. Не резко.

Но сегодня я не постирала его рубашку отдельно, как всегда. Бросила в общую кучу.

Завтра, может, не погладю.

Послезавтра — не спрошу, как прошёл день.

Маленькие шаги. Почти незаметные.

Но они — мои.

Глава 3

Вадим вернулся около девяти. Трезвый. Пах гаражом, машинным маслом, сигаретами.

— Как съездил? — спросила я, накладывая ему котлеты с пюре.

— Нормально. У Кольки движок барахлит. Масло жрёт как не в себя.

— М-м.

Карбюратор, коленвал, сальники — для меня это был мёртвый язык. Я кивала и помещивала пюре.

Ужин прошёл тихо. Он даже похвалил котлеты. «Вкусные, прям как у мамы». Я не уточнила, у чьей мамы. Его мать готовила резину с опилками, но я молчала.

После ужина он завалился на диван смотреть футбол. Я пошла мыть посуду. Обычный вечер. Никаких криков. Может, он и правда осознал?

— Я в душ, — сказала я, проходя мимо гостиной.

— Ага, — не отрываясь от экрана.

Горячая вода лилась по спине, смывая усталость. Закрыла глаза. Завтра воскресенье. Можно поспать. Хотя нет — завтра к его родителям. Чёрт. Обед у свекрови. Три часа разговоров о соседской Зине, у которой «и дети, и работа». Намёки в мою сторону, завуалированные под заботу. «Светочка, а ты не думала на курсы пойти? Дома ведь скучно».

Усмехнулась. Ужасно скучно мыть носки и готовить завтраки-обеда-ужины. Тоска зелёная.

Вышла из душа, завернувшись в халат. Волосы не сушила — пусть сами. Переоделась в пижаму, забралась под одеяло. Телефон. Сообщение от Марины: «Свет, как дела? Не пропала?»

«Всё хорошо».

Ложь номер сто пятьдесят за сегодня.

«Уверена? Этот козёл не буянил?»

Марина называла Вадима «козлом» уже два года. Раньше я обижалась. Потом перестала.

«Нет, всё тихо. Спокойной ночи, Марин».

«Спи, солнце. Звони, если что».

Телефон на тумбочку. За стеной — приглушённый гул телевизора. Вадим всё ещё смотрел футбол.

Закрыла глаза. Завтра будет новый день. Обед у свекрови. Потом, может, часок на себя. Почитать. Или просто полежать.

Почти задремала, когда хлопнула входная дверь. Резко. Громко.

Глаза распахнулись. Дверь? Кто-то ушёл?

Вадим вышел. В одиннадцать вечера.

Встала, накинула халат, вышла в коридор. Его куртки на вешалке нет. Ботинки тоже.

Гостиная. Телевизор работал вхолостую — реклама стирального порошка. На журнальном столике — его телефон. Экран светился. СМС.

Экран прямо передо мной, и текст виден: «Вадик, ты идёшь? Мы уже начали...»

Взяла телефон. Знала, что не должна читать чужие сообщения, но тревога уже не отпускала.

Сообщение от Кольки. «Вадик, ты идёшь? Мы уже начали, Серый пиво принёс. Давай, не тормози».

К ребятам. Снова. В одиннадцать вечера. Бухать. После вчерашнего «прости меня, солнышко» и сегодняшних котлет.

Телефон обратно на стол. Злость поднялась — тупая, горячая, распирающая грудь.

Часы на стене. Одиннадцать. Он вернётся когда? В час? В два? Пьяный в стельку, с перегаром и мутным взглядом?

Спальня. Легла, уставилась в потолок. Спать расхотелось. Трещины на побелке. Семь. Или восемь. Сбивалась.

Время тянулось. Не заснула. Лежала, слушала тиканье будильника. Тик-так. Тик-так. Каждая секунда — молоточком по нервам.

В начале первого — звуки в подъезде. Хлопнула дверь вниз. Пьяные голоса, смех. Тяжёлые шаги на лестнице. Спотыкающиеся, нервные.

Это он.

Села на кровати. Сердце заколотилось. Страшно. Глупо — это же просто муж возвращается. Муж, с которым десять лет. Чего бояться?

Ключ скрежетнул в замке. Раз. Два. Три — мимо. Не мог попасть. Наконец — щелчок.

Вадим ввалился в прихожую. Грохнулся о стену, ругнулся вполголоса. Возня с ботинками. Что-то покатилося по полу.

Встала, вышла в коридор. Он стоял, держась за стену, пытался стянуть ботинок. Лицо красное, глаза мутные, волосы растрёпаны. От него несло пивом и сигаретами — можно было надышаться и опьянеть.

— Привет, — сказал он, увидев меня, и глупо улыбнулся. — А ты не спишь.

Не благодушность. Что-то другое. Он был пьян в стельку. Еле стоял.

— Вадим, ты куда ходил?

— К ребятам. — Наконец стянул ботинок, швырнул в угол. — Посидели, пива попили. Нормально.

— Ты обещал, что больше так не будет.

— Что «так»? — С трудом сфокусировал на мне взгляд. — Я что, с мужиками посидеть не могу? Я что, в тюрьме?

— Я не об этом. Ты обещал не напиваться.

— Я не напился! — Голос сорвался вверх. Я вздрогнула. — Я немного выпил! По-мужски!

По-мужски. Когда еле стоишь и не можешь попасть ключом в дверь.

— Ладно. — Тихо. — Пойдём спать. Утром поговорим.

— Какое «утром»?! — Оттолкнулся от стены, шагнул ко мне. Пошатнулся, устоял. — Ты мне сейчас указывать будешь?!

Откуда эта агрессия? Я ничего не сказала. Просто предложила лечь. Но он был как взведённый курок.

— Я не указываю. Я просто...

— «Просто»! — Рассмеялся — злобно, противно. — Ты всегда «просто»! «Просто пойдём спать», «просто не пей», «просто будь хорошим мальчиком»! Запарила!

Последнее слово — как плевок. Я отшатнулась. Он никогда так не разговаривал. Даже в самые пьяные вечера был молчаливым, угрюмым. Но сейчас...

— Вадим, успокойся...

— Заткнись! — заорал он. Я замерла. — Заткнись уже со своими советами! Я пашу на работе как проклятый, а ты тут сидишь, ничего не делаешь, и ещё мне указываешь!

«Ничего не делаешь». Слова ударили как пощёчина. Я — которая стирает его носки, готовит три раза в день, убирает квартиру, слушает нытьё про работу — я ничего не делаю?

— Вадим, ты пьян. — Старалась сохранить остатки спокойствия. — Иди спать. Утром всё обсудим.

— Что «обсудим»?! — Схватил меня за плечо. Сильно. Больно. Пальцы впились в кожу. — Ты что, психолог теперь? Будешь меня лечить?!

— Отпусти. — Попыталась вырваться. — Вадим, больно!

— Больно?! — Дёрнул меня к себе. Его дыхание — мерзкое, кислое, пропахшее алкоголем. — Тебе больно?! А мне, думаешь, не больно?! Мне каждый день больно на этой работе! А ты тут из себя жертву!

— Я не устраиваю...

— Заткнись!!!

Замахнулся.

Резкая, жгучая боль на щеке. Звон в ушах. Мир качнулся. Рука схватилась за стену.

Он ударил меня.

Вадим. Мой муж. Человек, который клялся любить и защищать.

Он ударил меня по лицу.

Медленно подняла глаза. Он стоял, тяжело дыша, с опущенными руками. На лице мелькнул испуг. Кажется, он сам не верил в то, что сделал.

— Света... — голос стал тихим, жалобным. — Я не... Я не хотел...

Молчала. Стояла, прижимая ладонь к горящей щеке. Не плакала. Не кричала. Внутри — пустота. Оглушающая, всепоглощающая пустота.

— Света, прости... — Шагнул ко мне.

Я отступила. Инстинктивно. Тело решило за меня: не подпускать ближе.

Он замер. Посмотрел ещё раз. Потом резко развернулся, прошёл в гостиную, рухнул на диван лицом вниз.

Через минуту — храп.

Стояла в коридоре. Не могла пошевелиться. Щека горела. В ушах звенело. Но страшнее была тишина, наступившая после.

Тишина, в которой стало ясно: это конец. Не брака. Моей прежней жизни. Той, где можно было притворяться, что всё нормально. Что мы обычная семья. Что он любит меня, просто устает. Что я терплю, потому что так правильно.

Дверь гостиной, за которой храпел мой муж. Мой мучитель. Мой тюремщик.

Впервые за десять лет я по-настоящему боюсь человека, с которым живу под одной крышей.

Дошла до ванной, закрыла дверь на замок. Свет. В зеркале — незнакомая женщина с красным пятном на щеке и безумными глазами. Прикоснулась пальцами к лицу — горячо, больно.

Первая пощёчина. Говорят, самая страшная. Потому что после первой будет вторая. И третья.

Села на край ванны. Обхватила себя руками. Дыхание сбивалось. Комок в горле. Зажала рот ладонью, чтобы не закричать.

Что, чёрт возьми, мне теперь делать?

Позвонить Марине? Уйти — куда? У меня нет денег, нет работы, нет жилья. Десять лет была только женой. Разучилась быть просто Светой.

Или остаться. Подождать утра. Он проснётся, будет извиняться, клясться. Принесёт цветы. Или кофе в постель. И я прощу. Потому что так делают хорошие жены. Потому что «куда я пойду».

Смотрела на своё отражение. Видела жертву. Испуганную, растерянную, раздавленную.

Мне стало так противно от этого зрелища, что захотелось разбить зеркало.

Но не разбила.

Сидела на краю ванны в пижаме и старом халате, слушая, как за стеной храпит мой муж.

Муж, который только что ударил меня по лицу.

Щека горела. В зеркале — чужое лицо с красным пятном.

За дверью ванной спал человек, с которым я прожила десять лет. Человек, который клялся любить и защищать. Который сегодня утром приносил мне кофе и улыбался.

Который вечером ударил меня.
Первая пощёчина, говорят, самая страшная.
Потому что после неё ты понимаешь: всё, что было до — кончилось.
Я не знаю, сколько просидела там. Может, час. Может, два.
Но когда я вышла из ванной, я уже знала.
Это конец. Не брака.
Моей прежней жизни.

Глава 4

Сидела на холодном полу в ванной, прижавшись спиной к двери. Кафель под босыми ногами ледяной — противный, скользкий от конденсата. Белая плитка с мелким рисунком, местами отколота. Вадим обещал её заменить три года назад. Не заменил. Как и обещание не пить. Как и обещание «больше так не будет».

Обещания у него вообще хорошо получались. А вот с выполнением была проблема.

Усмехнулась этой мысли, и от усмешки стало ещё больнее. Щека пульсировала, отбивая ритм вместе с сердцем. Поднялась на ватных ногах, схватилась за раковину — закружилась голова. Посмотрела в зеркало.

Красное пятно расплзлось от скулы к подбородку. Отпечаток его ладони. Четыре пальца и большой — как клеймо. «Собственность Вадима Соколова, при попытке сбежать будет применена сила».

Провела пальцами по опухшей коже. Горячо. Завтра будет синяк. Большой, яркий, фиолетовый. Как объяснить его свекрови на обеде? «Упала»? «Дверью ударилась»? Или сказать правду: «Ваш сыночек меня отметелил, мать Люда, хотите чаю?»

Господи. Стою в ванной со свежей пощёчиной и шучу про это. Мозг, видимо, не выдержал.

Руки дрожали. Попыталась сжать пальцы в кулаки — не слушались. Меня трясло так, что зубы едва не стучали, а ноги всё время просились к двери.

Из гостиной доносился храп — мерный, тяжёлый, пьяный. Он спал. А на полу валялось его полотенце, пропахшее дешёвым одеколоном и табаком. Запах въедался в лёгкие, вызывал тошноту.

Открыла кран. Холодная вода хлестнула в ладони, обожгла. Плеснула на лицо — резко, больно, но хоть немного отрезвило. Капли стекали по подбородку, падали на халат.

Надо было что-то делать. Но что?

Уснуть, проснуться утром и делать вид, что ничего не было? «Доброе утро, дорогой, хочешь омлет? Кстати, вчера ты мне врезал, но это мелочи, давай забудем».

Или уйти. Прямо сейчас. Собрать вещи и уйти, пока он храпит.

Куда?

К Марине.

Мысль пришла внезапно, и схватилась за неё, как утопающий за соломинку. Марина. Конечно. Она всегда говорила: «Если что — звони в любое время». Правда, имела в виду звонки типа «давай встретимся, выпьем вина», а не «меня муж избил, можно переночевать», но...

Вытащила телефон из кармана халата. Экран светился в темноте слишком ярко, резал глаза. Нашла её номер, уставилась на кнопку вызова.

Надо нажать. Просто нажать.

Пальцы замерли.

Потому что если позвонить — это станет реальностью. Официально признаю, что муж ударил. Что у меня проблемы. Что брак — не «ну, у нас бывают сложности, как у всех», а катастрофа с жертвами.

Зажмурилась. Глубокий вдох. Нажала на вызов.

Гудки. Длинные, бесконечные. Марина не брала трубку. Конечно — второй час ночи, нормальные люди спят. Уже собиралась сбросить, как вдруг шелкнуло:

— Алло? Света? Ты в курсе, который час?

Голос сонный, недовольный.

Открыла рот. Хотела извиниться. Объяснить. Но из горла вышел только хрип. Потом — рыдание. Громкое, некрасивое, которое пыталась сдержать весь вечер.

— Света?! — Марина мгновенно проснулась. — Света, что случилось?!

Пыталась говорить, но вместо слов — только всхлипы и задыхающиеся вздохи. Зажала рот ладонью. Рыдала сильнее.

— Света, дыши. — Голос Марины стал жёстким. — Глубокий вдох. Выдох. Ещё раз. Давай.

Послушалась. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Рыдания стихли, превратились в тихие всхлипы.

— Этот урод? — спросила Марина тихо. В голосе — ледяная ярость. — Он тебя ударил?

— Да. — Голос чужой, сорванный. — Он был пьяный... и он...

— Сука. — Марина прошипела. — Где ты сейчас?

— Дома. В ванной.

— А он?

— Спит. На диване.

— Хорошо. Слушай меня внимательно. — Голос стал чётким, деловым. — Сейчас выходишь из ванной. Идёшь в спальню. Берёшь сумку, кидаешь туда самое необходимое. Документы — паспорт, ИНН, СНИЛС. Деньги, если есть. Телефон и зарядка. Сменное бельё. Всё остальное потом заберёшь. На всё — пятнадцать минут максимум.

— Марин...

— Не перебивай! — оборвала. — Потом тихо выходишь из квартиры. Вызываешь такси. Приезжаешь ко мне. Адрес помнишь?

— Помню, но...

— Никаких «но»! Света, ты меня слышишь? Если сейчас не уйдёшь, он ударит снова. Это не последний раз. Это первый. Понимаешь разницу?

Понимала. Конечно, понимала. Первая пощёчина — как первая трещина в плотине. Вроде мелочь, можно замазать, забыть. Но за ней придут другие. Пока плотина не рухнет.

— Не могу. — Прошептала. — Марин, не могу сейчас...

— Можешь! — Почти кричала в трубку. — Света, ты можешь! Просто собираешь вещи и выходишь! Что тут сложного?!

— Это его квартира...

— И что?!

— Он же не специально... Был пьяный... Не хотел...

Тишина. Долгая, тяжёлая. Ощущала, как Марина считает до десяти, чтобы не сорваться.

— Света. — Наконец произнесла очень тихо и отчётливо. — Послушай меня. Он был пьяный — это не оправдание. Это объяснение, но не оправдание. Понимаешь? Алкоголь не превращает нормального человека в урод. Алкоголь просто развязывает уроду руки.

— Но у него стресс на работе...

— У всех стресс! У меня стресс! У половины страны стресс! Но мы же не лупим своих близких!

— Куда пойду? — Началась истерика. — У меня нет денег! Нет работы! Десять лет ничего не делала! Кто меня возьмёт?!

— Я тебя возьму, дура! — рявкнула Марина. — Ко мне приедешь! У меня диван есть, жрать есть, крыша над головой есть! А работу найдём! Помогу!

— Не могу быть обузой...

— Обуза — это тот придурок, с которым живёшь! Он — обуза! Ты — моя подруга! Света, ну пожалуйста. — Голос стал мягче. — Пожалуйста, уйди оттуда. Прямо сейчас. Не жди утра. Не жди, пока он проснётся и начнёт извиняться. Просто... просто уйди. Ради меня. Ладно?

Сидела на полу ванной, прижимая телефон к уху. Слёзы текли по щекам, жгли опухшую кожу.

Уйти. Просто взять и уйти.

Звучало так просто.

— Подумаю. — Прошептала.

— Света...

— Правда подумаю. Обещаю.

Марина тяжело вздохнула.

— Хорошо. Но если что — звони. В любое время. Приеду за тобой хоть среди ночи. Слышишь?

— Слышу.

— И Света... Будь осторожна. Пожалуйста.

— Буду.

Положила трубку. Прислонилась затылком к двери. В квартире тихо. Только храп из гостиной и собственное дыхание — прерывистое, всхлипывающее.

Марина права. Надо уходить. Прямо сейчас.

Встала. Ополоснула лицо холодной водой ещё раз. Отражение в зеркале — опухшие глаза, красный нос, пятно на щеке. Красавица.

Выключила свет. Тихо открыла дверь, выглянула в коридор. Из гостиной — мерный храп. Спит. Крепко, по-пьяному.

Могла уйти. Прямо сейчас. Даже не заметил бы до утра.

Прошла в спальню. Включила ночник — тусклый, жёлтый свет. Открыла шкаф. На верхней полке лежала старая дорожная сумка — та, с которой ездила к маме до свадьбы. Синяя, потёртая, с оторванной молнией на боковом кармане.

Достала. Положила на кровать. Молния скрипнула — громко, как выстрел в тишине. Замерла, прислушалась. Храп не прервался.

Открыла сумку. Пустота внутри — чёрная, зияющая.

Надо было класть вещи. Паспорт. Деньги. Бельё.

Руки не двигались.

Стояла над открытой сумкой и смотрела на неё, как на могилу.

Потому что положить туда хоть что-то — значило признать: это конец. Десять лет жизни — ошибка. Брак — провал. Я — неудачница.

Значило остаться без крыши над головой. Без денег. Без работы. Стать обузой для подруги в тридцать два года.

Значило столкнуться с «я же говорила» от знакомых. С жалостью. С осуждением. «Как же так, Светочка, десять лет прожила, а семью не сохранила».

Уйти — или остаться.

Неизвестность — или привычный ад.

Закрыла сумку. Убрала обратно в шкаф.

Легла в кровать, натянула одеяло до подбородка. Закрыла глаза. Сон не шёл. Из соседней комнаты доносился храп человека, который несколько часов назад ударил меня по лицу.

Самое страшное было не то, что он это сделал.

А то, что осталась.

Взяла телефон с тумбочки. Экран высветился ярко, прищурилась. Пальцы сами открыли браузер, набрали запрос, который боялась произнести вслух: «Что делать если муж ударил».

Поисковик выдал тысячи результатов.

Начала читать.

«Домашнее насилие редко ограничивается одним эпизодом. После первого раза обычно следуют извинения, цветы, клятвы, что это больше не повторится. Этот период называется "медовый месяц". Но потом всё повторяется. И с каждым разом становится хуже».

Горло сжалось. Прокрутила дальше.

«Если у вас нет денег и работы, обратитесь в кризисный центр. Там помогут с временным жильём, юридической консультацией и поиском работы. Вы не одна».

Хотелось засмеяться. Или заплакать. Кризисный центр. Приют. Для жертв насилия. Неужели до этого дошло?

Открыла новую вкладку. «Как уйти от мужа без денег». Ещё одну. «Куда идти после домашнего насилия». Читала истории других женщин — похожие на мою, а иногда страшнее. «Он бил меня три года, пока я не ушла». «Первый раз он извинился. Второй раз купил цветы. Третий раз я оказалась в больнице».

Тошнота подкатывала всё сильнее. Хотелось закрыть браузер, выбросить телефон, забыть всё, что прочитала.

Но продолжала читать.

Пока за окном не начало светлеть. Грязно-розовое небо, мокрый асфальт внизу, звуки первых машин.

Телефон разрядился почти полностью — 8% заряда. Экран погас.

Положила его обратно на тумбочку.

Повернулась на бок. Натянула одеяло повыше. Посмотрела на шкаф, где на верхней полке лежала пустая сумка.

Пока пустая.

Впервые в жизни поняла: самый страшный выбор — между привычным адом и неизвестностью.

Сегодня выбрала ад. Потому что он хотя бы был знакомым.

Но прежней уверенности, что я никуда не денусь, уже не было. Пока не знала, хватит ли сил уйти, однако впервые всерьёз допускала, что такой день может наступить.

Но знала одно: трещина появилась.

И трещины имеют свойство расти.

Глава 5

Прошло пять дней. Пять дней после той ночи, о которой мы оба старательно не упоминали. Пять дней операции "Делаем вид, что ничего не произошло".

Вадим был образцово-показательным мужем. Приходил трезвым, помогал мыть посуду (дважды!), даже цветы принес — жалкий букетик хризантем из ларька на углу, но всё же. Он смотрел на меня виноватыми глазами, осторожно касался моего плеча, когда проходил мимо, и каждый вечер спрашивал: "Света, ты меня простила?"

Я говорила: "Конечно", улыбалась и продолжала жить. Готовить, убирать, стирать. Быть хорошей женой. Только внутри что-то окончательно сломалось, и никакие хризантемы это уже не починят.

Синяк на щеке, к счастью, был не таким страшным, как ожидалось. Желтоватое пятно, которое легко замазывалось тональным кремом. На обеде у свекрови никто ничего не заметил. Или сделали вид, что не заметили. Семейная дипломатия — великая вещь.

Сегодня была пятница. Вернулась из магазина с двумя тяжеленными пакетами, полными провизии на выходные. Вадим обещал, что будет дома, что мы проведем "тихий семейный вечер". Может, даже кино посмотрим. Почти поверила.

Поднимаясь на наш этаж, уже на лестнице — голоса. Громкие, веселые, пьяные. Идущие из нашей квартиры.

Внутри всё сжалось. Нет. Только не это.

Открыла дверь своим ключом и замерла на пороге. В гостиной, на моем любимом диване, развалился Вадим. Рядом — Колян, его закадычный друг, толстый мужик с пивным животом и вечно красным лицом. На кресле сидел Серый — долговязый тип с редкими волосами и тонкими усиками.

На журнальном столике — батарея пивных бутылок. Пустых и полных. Пакеты с чипсами, орешками, сухариками. Пепельница, полная окурков. Весь этот натюрморт мужской дружбы.

— А, Светуль! — Вадим увидел первым и просиял, как ребенок, застуканный с банкой варенья. — Вот и ты! Познакомься, это, э-э... Ну ты их знаешь. Колян. Серый.

Знала. К сожалению, знала.

— Привет, Светик! — Колян махнул бутылкой пива. — Не ожидала гостей, а? Мы тут мимо проходили, решили к Вадику заглянуть!

"Мимо проходили". Да-да. Мимо нашего дома на окраине, куда даже таксисты не всегда соглашаются ехать.

— Добрый вечер, — выдавила из себя, стараясь не показывать, как сильно хочется вернуться и уйти обратно. Куда угодно. Хоть в подъезд сидеть.

— Светуль, а ты не могла бы нам что-нибудь по-быстрому сообразить? — Вадим поднялся с дивана, подошел и заговорщически подмигнул. — Ну, там, бутерброды, или что у тебя есть. А то мужики голодные!

Мужики голодные. Конечно. Потому что в мире не существует доставка еды или магазин на первом этаже с готовыми закусками.

— Хорошо, — сказала с улыбкой. С той самой дежурной улыбкой, которой научилась натягивать, как маску. — Сейчас что-нибудь приготовлю.

— Вот и умничка! — Вадим чмокнул в щеку — в ту самую, где еще не до конца сошел синяк — и вернулся к своим друзьям.

Прошла на кухню, поставила пакеты на стол и прислонилась к холодильнику, закрыв глаза. Глубокий вдох. Выдох. Спокойствие. Можно это пережить. Это всего лишь вечер. Несколько часов. Они нажрут, уйдут, помою посуду и забуду об этом, как о страшном сне.

Раньше, в первые годы брака, с радостью встречала его друзей. Готовила, накрывала стол, участвовала в разговорах. Казалось, что это часть семейной жизни — быть гостеприимной хозяйкой. Но тогда друзья приходили по приглашению. Тогда меня спрашивали: "Света, можно ребят позвать?" Тогда была хозяйкой, а не обслуживающим персоналом.

Сейчас же — будто вызвали из комнаты для прислуги и велели подать закуски. Немедленно. И без лишних вопросов.

Открыла холодильник. Колбаса, сыр, помидоры, огурцы. Хлеб в хлебнице. Майонез. Стандартный набор для "быстрых бутербродов". Достала разделочную доску и начала резать. Колбаса кружочками, сыр треугольничками, овощи — произвольно. Красиво раскладывать не стала. Все равно сожрут за пять минут, даже не заметив, как это выглядит.

Из гостиной — голоса:

— ...а я ему говорю, слышь, мужик, ты чего, совсем? Это ж движок убьешь!

— Да ладно, Серый, ты сам прошлым летом...

— Я? Я — другое дело! Я знаю, что делаю!

Гогот. Чокание бутылок. Звук телевизора — видимо, включили футбол.

Намазала хлеб майонезом, сверху колбаса, сыр, огурчик для красоты. Двадцать бутербродов на большом блюде. Шедевр кулинарного искусства.

Вынесла блюдо в гостиную и поставила на стол, отодвинув бутылки.

— О, вот это да! — Колян сразу же потянулся к бутербродам. — Светик, ты волшебница! Вадим, повезло тебе с женой!

Вадим кивнул с набитым ртом. Серый тоже схватил бутерброд и впился в него, как волк в добычу.

— Может, салат еще сделать? — спросила, глядя на Вадима. Слова вырвались по привычке: хорошая жена всегда спрашивает, не нужно ли ещё чего.

— А давай! — обрадовался Колян вместо Вадима. — Оливье какой-нибудь! Мы тут надолго!

"Надолго". Прекрасно. Просто замечательно.

— Хорошо, — сказала и вернулась на кухню.

Достала из холодильника остатки вчерашней курицы, варёные яйца, огурцы, кукурузу из банки. Из гостиной доносился хохот — то ли анекдот, то ли очередное «а помнишь, как мы тогда...». Я не вслушивалась. Резала картошку мелкими кубиками и старалась ни о чём не думать.

Когда салат был готов, выложила его в красивую салатницу, взяла чистые вилки и пошла обратно в гостиную.

— О, вот это сервис! — Колян расплылся в улыбке. — Света, ты просто золото! Эх, мне бы такую жену!

Глаз дёрнулся. Только не хватало, чтобы Колян начал флиртовать. Этот жирный, лысеющий, вечно потный тип, от которого пахло перегаром и потом.

Поставила салатницу на стол и собралась уйти, но Колян вдруг схватил за руку.

— Светик, куда же ты! Посиди с нами! Составь компанию!

Посмотрела на его толстые пальцы на запястье. Тошнота подступила к горлу.

— Спасибо, но мне нужно еще... на кухне... посуду...

— Да брось ты эту посуду! — Колян потянул к себе, и запах его пота и перегара ударил в лицо. — Вадька, ты чего жену-то прячешь? Дай хоть на красоту посмотреть!

"На красоту посмотреть". Посмотрела на Вадима, ожидая, что он скажет что-то. Остановит Коляна. Защитит.

Вадим рассмеялся.

Вадим рассмеялся вместе со всеми.

— Да ладно, Коль, отпусти ее, — сказал он весело. — У нее там дел полно.

Колян отпустил руку, но прежде успел провести большим пальцем по коже. Медленно. Противно. Его взгляд скользнул по фигуре — раздевающий, липкий.

— Жаль, — протянул он. — А я бы с удовольствием...

— Ладно, Колян, заткнись уже! — Серый хлопнул его по плечу. — Пивка лучше налей!

Быстро ушла на кухню, закрыла за собой дверь и прислонилась к ней спиной. Руки дрожали. Хотелось принять душ. Горячий, обжигающий, чтобы смыть с себя это ощущение грязи.

Вадим не заступился. Он рассмеялся. Он позволил своему дружку лапать, говорить пошлости, раздевать взглядом. И ему было весело.

Подошла к раковине и включила воду. Холодную. Умылась, стараясь не размазать косметику. Посмотрела на свое отражение в окне. Бледное лицо, усталые глаза, опущенные плечи.

Превратилась в мебель. В функцию. В обслуживающий персонал в собственном доме.

А может, это уже давно не мой дом.

Следующие три часа — конвейер. Пиво, тряпка, грязные тарелки, ещё пиво. "Света! Света, можно еще пива?" "Света, а где у вас открывалка?" "Света, принеси тряпку, я тут пиво разлил!"

Выполняла запросы. Бегала туда-сюда, как официантка в дешевом баре. Подавала, убирала, вытирала. Не благодарили. Максимум — небрежное "о, спасибо" или вообще ничего.

Они обсуждали машины, работу, общих знакомых. Женщин. "А видел, какая у Серёги новая телка? Сиськи — во!" "Да ладно, зато у той, прошлой, задница была — закачаешься!" Хохот. Пошлые шуточки. Вадим смеялся вместе с ними, иногда добавлял свои комментарии.

Когда проходила мимо с грязными тарелками, они на секунду замолкали, а потом продолжали тише. Для них я уже была не участником вечера, а человеком, который приносит еду и уносит посуду.

В какой-то момент Колян опять полез:

— Вадик, а жена твоя, смотрю, похудела! Или мне кажется?

— Да нет, нормально, — Вадим даже не посмотрел.

— А по мне, так можно бы и поправиться чуток! — Колян подмигнул. — В теле женщина — это красиво! Правильно, Света?

Промолчала, забрала пустые бутылки со стола и ушла на кухню. За спиной:

— Да ладно тебе, Коль, не приставай к ней!

— Я чего? Я ничего! Просто комплимент сделал!

Комплимент. Да-да.

Часы показывали половину двенадцатого, когда они наконец начали собираться. Вернее, когда пиво кончилось, и идти в магазин уже было лень.

— Ладно, мужики, мне домой пора, — Серый поднялся с кресла, пошатываясь. — Жена уйдет, если позже часа вернусь.

— Да, мне тоже, — Колян с трудом встал. — Спасибо за гостеприимство, Вадим! И Светочке спасибо! Кормилица ты наша!

Кормилица. Как мило.

Вышла в прихожую, чтобы открыть им дверь. Просто хотелось, чтобы они ушли побыстрее. Колян, проходя мимо, опять попытался обнять за талию, но увернулась. Он хохотнул.

— Скромница! Ладно, не буду приставать! До встречи, Светик!

Серый молча кивнул и вышел. Вадим проводил их до лифта, что-то крича им вслед, смеясь. Потом вернулся, захлопнул дверь и довольно потер руки.

— Ну что, неплохо посидели! — сказал он, зевая.

Смотрела на него и молчала. Он зашел в гостиную, посмотрел на разгром — пустые бутылки, переполненная пепельница, крошки по всему столу и дивану, пятна от пива на полу — и снова зевнул.

— Ладно, я спать, — сказал он. — Устал.

И ушёл в спальню. Не помог убрать, не сказал спасибо, даже не заметил, что я весь вечер простояла на ногах, обслуживая его и его дружков.

Осталась одна посреди этого кошмара. Среди пустых бутылок, грязных тарелок, окурков и запаха перегара.

Медленно прошла в гостиную. Шесть часов назад здесь было чисто: утром я мыла полы, раскладывала подушки на диване. Теперь повсюду стояли бутылки, валялись крошки и липли к полу пятна пива.

Можно было оставить все это до утра. Просто лечь спать, а завтра разгрести бардак. Но не засну. Не в этой вони, не в этом хаосе.

Взяла мусорный мешок и начала собирать бутылки. Одна, две, три... Восемь. Восемь бутылок пива. Плюс пачка чипсов, две пачки сухариков, орешки. Весь этот мусор — в мешок и в мусоропровод.

Потом вернулась и принялась за посуду. Тарелки, вилки, салатница, блюдо. Пена, горячая вода, круговые движения губкой. Механически. Бездумно.

Пока мыла посуду, из спальни — храп. Вадим уснул. Сразу, как только голова коснулась подушки. Он устал, бедненький. Три часа сидел на диване, пил пиво и ржал над пошлыми шутками — тяжкий труд.

Вытерла последнюю тарелку, повесила полотенце. Кухня снова была чистой, только запах сигарет и пива никуда не делся.

Потом взяла швабру и помыла полы в гостиной. Оттирала пятна от пива, собирала крошки, опустошала пепельницу. Запах сигарет и алкоголя не выветривался — он въелся в обивку дивана, в шторы, в саму квартиру.

Когда закончила, было далеко за полночь. Села на только что вымытый пол и обняла колени. Тишина. Наконец-то тишина.

Но в этой тишине — эхо Колькиного хохота, взгляд Вадима, который не заступился. Липкое прикосновение чужих пальцев к коже.

Сидела посреди вымытой гостиной и впервые всерьёз думала: домом это место я больше не чувствую.

Это его берлога. Его территория. А здесь — обслуживающий персонал. Повар, уборщица, официантка. Функция, которую можно использовать, когда удобно, и игнорировать, когда не нужна.

И самое страшное — сама позволила этому случиться. Подавала им еду. Убирала за ними. Улыбалась, когда Колян лапал. Молчала, когда Вадим смеялся над пошлыми шутками в мой адрес.

Хорошая жена не скандалит при гостях. Хорошая жена гостеприимна. Хорошая жена терпит.

А до какого предела можно терпеть?

Мыла стаканы, липкие от пива и чужих губ. За стеной храпел муж — довольный, сытый, прощённый.

Пощёчины не было.

Но этот вечер — липкие пальцы Коляна и смех Вадима — запомнился больше.

Глава 6

Проснулась от запаха кофе. Не того растворимого пойла, которое Вадим обычно заваривал себе по утрам, а настоящего, ароматного кофе из турки. Такого, который варят, когда хотят произвести впечатление.

Открыла глаза. Будильник — восемь утра. Суббота. За окном было серо и дождливо — стандартная осенняя погода, под которую хочется зарыться под одеяло и не вылезать до весны.

Но запах кофе был слишком соблазнительным, чтобы игнорировать его. Горьковатый, густой, с легкой ноткой кардамона — так, как делала его бабушка. Вадим помнил.

Натянула халат и вышла на кухню. Вадим стоял у плиты, помешивая что-то на сковородке. Он был одет, причесан, пах гелем для душа — мятным, свежим. На столе стояла турка с кофе, две чашки — те самые, с золотой каёмкой, что достаём только по праздникам. Белая скатерть. Тарелки. Он готовил завтрак.

Вадим. Готовил. Завтрак.

На секунду — мысль: не сплю ли? Может, это такой странный сон? Или очнусь в больнице, и мне скажут, что последний месяц пролежала в коме?

— Доброе утро, солнышко! — Вадим обернулся и улыбнулся. Той самой улыбкой — обаятельной, теплой, с ямочкой на подбородке. Той, в которую когда-то влюбилась на первом курсе. — Проснулась наконец! Тут решил нас побаловать. Омлет будешь?

— Буду, — ответила осторожно, как будто разговаривала с диким зверем, который в любой момент может наброситься.

Села за стол, и Вадим тут же налил кофе. Ароматный, крепкий, с легкой горчинкой. Именно такой, как люблю. Он помнил. Всегда помнил эти мелочи — когда хотел.

Сделала глоток. Кофе обжёг губы, но было приятно. Настоящий, сваренный с душой. Не на бегу, не абы как.

— Слушай, — начал он, выкладывая омлет на тарелки, — насчет вчерашнего... Хотел извиниться. За ребят. Они, конечно, перебрали. Не надо было мне их звать.

Омлет был пышным, золотистым, с зеленью укропа сверху. Вадим умел готовить — когда хотел. Раньше, в первые месяцы совместной жизни, он баловал завтраками в постель по воскресеньям. Французские тосты с корицей. Панкейки с кленовым сиропом. Омлет сырым — именно такой, как сейчас.

Потом это как-то само собой сошло на нет. Сначала раз в месяц, потом раз в полгода, потом совсем перестало.

А сегодня — вот он. Завтрак. Как раньше.

Вау. Он извинялся. За своих дружков. Обычно после таких посиделок он делал вид, что ничего особенного не произошло. "Мужики посидели, выпили, ну и что?" А тут — извинения.

— Ничего страшного, — сказала, отпивая кофе. Ложь. Было страшно. И унижительно. И мерзко. Но говорить об этом не хотелось. Не сейчас. Не в эту хрупкую, почти сказочную минуту, когда он был таким... нормальным.

— Нет, правда, — настаивал он, садясь напротив. — Колян вообще иногда несет чушь, когда выпьет. Не обращай внимания. Он дурак, но безобидный.

Безобидный. Да-да. Безобидный тип, который лапал и раздевал взглядом. Совершенно безобидный.

Но промолчала. Просто кивнула и принялась за омлет. Он был, надо отдать должное, вкусным. Нежным, тающим на языке. Вадим всегда добавлял в него чуть-чуть молока и взбивал до воздушности. Секрет, которому его научила мать.

— Знаешь, тут подумал, — продолжал Вадим между глотками кофе. — Может, нам на выходных куда-нибудь съездить? В парк, например. Или в кино. Давно мы с тобой никуда не выбирались.

"Куда-нибудь съездить". Это предложение слышала уже раз десять за последний год. Обычно оно оставалось предложением. Мы не ездили ни в парк, ни в кино, ни куда-либо еще. Максимум — в магазин за продуктами.

Но в его голосе сейчас была искренность. Или очень хорошая игра.

— Может быть, — сказала неопределенно.

— Точно поедem! — Он потянулся через стол и взял за руку. Его ладонь была теплой, сухой. Знакомой. — Света, правда хочу, чтобы у нас все наладилось. Понимаю, что последнее время был... не очень. Но исправлюсь. Честно.

Смотрела на его руку, лежащую поверх моей. Большую, широкую, с длинными пальцами. Ту самую руку, которая неделю назад оставила на щеке красное пятно.

Внутри — два голоса.

"Поверь. Он изменится."

"Не верь. Это ловушка."

— Хорошо, — сказала вслух, сама не понимая, какому голосу отвечаю. — Съездим.

Вадим просиял. Поднялся, обошел стол и обнял за плечи. Его дыхание коснулось макушки — теплое, пахнущее кофе.

— Вот и умничка. Мы еще все наладим. Вот увидишь.

Он поцеловал в макушку и ушел в душ, напевая какую-то песню. Старую, из девяностых. Ту, что включал в машине, когда мы только встречались.

Осталась сидеть за столом с полупустой чашкой кофе и недоеденным омлетом. Смотрела на белую скатерть, на чашки с золотой каёмкой, на вазочку с сахаром, которую не доставали месяца три.

Мы еще все наладим.

Эту фразу слышала так часто, что она могла бы стать нашим семейным девизом. Выгравировать на кольцах: "Мы еще все наладим". Или на надгробном камне.

Но пока что ничего не налаживалось. Только расплзалось по швам все больше и больше.

После завтрака Вадим ушел "по делам". Не спросила, по каким. Не хотела знать. Было всё равно.

Убрала со стола. Осторожно вымыла чашки, чтобы не сколоть золотую каёмку, сложила скатерть в шкаф. Через несколько минут кухня снова выглядела буднично.

Села в гостиную с книгой, которую пыталась дочитать уже второй месяц. Детектив. Запутанный, с кучей персонажей и линий. Раньше обожала такие — могла зачитаться до утра, забыв обо всём.

Сейчас читалось плохо. Мысли разбегались, строчки расплывались перед глазами. Прочитала одну страницу три раза и так и не поняла, о чем там было. Кто убийца? Где тело? Какая связь между жертвами?

Забросила книгу на подлокотник дивана.

Встала. Прошла по квартире. Заглянула в спальню — кровать застелена, все аккуратно. На тумбочке — пыль. Давно не вытирала. Провела пальцем — серый след на коже.

Взяла тряпку и принялась протирать тумбочку, подоконник, полки — лишь бы занять руки.

За окном моросил дождь. Серый, унылый, октябрьский. По стеклу стекали капли, сливались в ручейки. Смотрела на них и думала о том, что вся моя жизнь последние годы — как этот дождь. Серая. Однообразная. Бесконечная.

Часы на стене показывали одиннадцать. Потом двенадцать. Потом час.

День тянулся медленно, вязко, как кисель.

Вадим вернулся около шести вечера. Трезвый. Чистый. С букетом ромашек в руке. Ромашки. Мои любимые цветы. Он помнил.

Белые, простые, с жёлтыми серединками. Чуть помятые — видимо, купил не в магазине, а у бабушки на углу. Но всё равно. Он помнил.

— Для моей любимой жены, — сказал он торжественно, протягивая букет.

Взяла цветы. Они были холодными, влажными от дождя. Понюхала — пахли осенью, свежестью, чем-то детским и наивным.

Ромашки всегда нравились больше роз. Розы — это пафос, показуха, "смотрите, какой я молодец". Ромашки — это искренность. Или хотя бы её иллюзия.

Когда-то, на третьем свидании, Вадим принес целую охапку ромашек. Нарвал их в поле за городом. Приехал весь в репейнике, со смятым букетом, но таким счастливым, что сердце жалось.

Тогда влюбилась окончательно.

Сейчас смотрела на эти помятые ромашки из рук бабушки на углу и думала: сколько лет прошло? Десять? Двенадцать? Где тот парень с охапкой полевых цветов?

— Спасибо, — сказала. — Красивые.

— Знал, что тебе понравятся. — Он подошел ближе, обнял. Его свитер был тёплым, чуть влажным от дождя. — Прости меня за все. За пощечину. За друзей. За то, что был плохим мужем. Правда хочу измениться.

И почти поверила. Почти. Потому что в его голосе была искренность. Или очень хорошая игра. Уже не могла различить.

— Давай сегодня просто проведем вечер вдвоем? — предложил он. — Закажем пиццу, посмотрим кино. Как раньше.

Как раньше. Эти слова резанули. Потому что "раньше" было так давно, что с трудом помнилось.

Раньше смеялись вместе. Раньше могли говорить часами обо всем и ни о чем. Раньше засыпала у него на плече, а просыпалась от его поцелуев в шею.

Раньше он называл меня "солнышко" и имел в виду это. Раньше мы занимались любовью, а не сексом по обязанности. Раньше у нас были планы — дом за городом, дети, собака, сад.

А потом "раньше" кончилось, и началось "сейчас". Серое, безрадостное "сейчас", в котором мы были два чужих человека, живущих под одной крышей.

— Хорошо, — согласилась. — Давай.

Поставила ромашки в вазу, налила воды. Подрезала стебли — они хрустнули под ножом. Цветы распрямились, ожили. Стояли на кухонном столе, белые и наивные, как моя надежда, что что-то может измениться.

Вечер правда вышел... почти хорошим.

Заказали пиццу — "Четыре сыра", мою любимую. Тягучую, ароматную, с хрустящей корочкой. Вадим открыл вино — не дешевое пойло из ближайшего магазина, а приличное красное, которое он когда-то получил в подарок на работе и хранил "на особый случай".

Видимо, сегодня был тот самый случай.

Налил в бокалы. Вино было терпким, густым, с привкусом вишни и дуба. Дорогое. Настоящее.

— За нас, — сказал он, поднимая бокал. — За новое начало.

Чокнулись. Хрустальный звон в тишине квартиры.

Сели на диван — тот самый, где неделю назад он храпел после пьянки, где три дня назад его дружки жрали мои бутерброды. Попыталась не думать об этом.

Вадим включил комедию. Какую-то французскую, легкую, смешную. С субтитрами. Раньше часто смотрели французское кино — он обожал их абсурдный юмор, эту лёгкость, философичность.

Смотрели, ели пищу, пили вино. Он обнял за плечи, устроилась у него под боком. Его свитер был мягким, пахнущим стиральным порошком и ещё чем-то — его собственным запахом, который когда-то сводил с ума.

И на несколько мгновений показалось, что вернулись. В то самое "раньше". Когда все было просто и понятно, когда любила его, а он любил меня, и этого было достаточно.

На экране герои попадали в нелепые ситуации, и смеялась. По-настоящему смеялась, а не натянуто, как обычно. Живот даже заболел от смеха — так давно этого не было.

Вадим тоже смеялся, и его смех был теплым, живым. Заразительным. Он всегда умел смеяться от души — громко, открыто, как ребёнок.

— Нам надо так чаще делать, — сказал он, когда фильм закончился. — Просто вдвоем. Без всяких дел, без ребят, без суеты.

— Да, — согласилась. — Надо.

Сидели в тишине. За окном моросил дождь, в квартире было тепло и уютно. На столе догорала свеча — обычная, хозяйственная, но всё равно создавала атмосферу. Чувствовала его дыхание, его тепло. Это было почти приятно. Почти.

— Света, — вдруг сказал он тихо. — А давай летом на море съездим? Только вдвоем. В Крым, например. Или в Сочи. Снимем домик у моря, будем купаться, загорать. Отдохнем от всего этого... — он махнул рукой, имея в виду Москву, работу, быт, всю эту рутину, что засасывала нас каждый день.

Море. Не была на море пять лет. Последний раз мы ездили с ним еще до кризиса, когда у него была нормальная зарплата. Потом начались "трудные времена", и о море можно было только мечтать.

Но помнила то лето. Крым. Маленький посёлок. Домик в частном секторе с виноградом над верандой. Галька под ногами. Солёный ветер. Мы купались на рассвете, когда на пляже никого не было. Потом лежали на песке, сохнули на солнце. Кожа пахла морем и кремом от загара.

По вечерам пили вино на веранде и смотрели на закат. Вадим обнимал, целовал в шею, шептал что-то смешное и нежное.

Тогда были счастливы.

— Правда? — спросила, чувствуя, как внутри шевелится что-то забытое. Надежда? Радость? Или просто усталое желание поверить хоть во что-то.

— Правда. Обещаю. Начну откладывать прямо со следующей зарплаты. К лету накопим и поедem. Ты же хочешь на море?

— Хочу, — прошептала.

Он притянул ближе и поцеловал. Долго, нежно. Не так, как в последнее время — быстро, почти небрежно, как будто по обязанности. А так, как целовал раньше. Когда мы только встречались. Когда каждый поцелуй был событием.

И поцеловала его в ответ. Потому что хотелось верить. Хотелось так сильно, что было больно.

Перешли в спальню. Он был нежен, внимателен, осторожен. Не торопился, не брал силой, как бывало иногда в последние месяцы. Ласкал, целовал, шептал, что любит.

Тепло его ладоней на коже — сухое, уверенное. Запах геля для душа — мятный, свежий. Его дыхание в волосах — ровное, спокойное. Вес его тела — знакомый, привычный.

И в какой-то момент почти поверила.

Почти.

Потом лежали в темноте, и он обнимал, уткнувшись носом в волосы.

— Все будет хорошо, — прошептал он. — Все наладится. Вот увидишь.

— Угу, — ответила, не в силах выдавить из себя больше слов.

— Ты мне веришь?

Молчала несколько секунд. За окном шумел дождь. В соседней квартире играла музыка — тихая, приглушенная. Где-то вдалеке сигналила машина.

Потом сказала:

— Верю.

Еще одна ложь. К тем сотням, что уже сказала ему и себе за последние годы.

Он засыпал, постепенно расслабляясь, его дыхание становилось ровным и глубоким. Рука на моей талии потяжелела. Он всегда засыпал быстро — голова касается подушки, и через пять минут уже спит.

А лежала с открытыми глазами и смотрела в темноту.

Смотрела на руку, лежащую поверх моей. Теплую. Знакомую.

Ту самую, что оставила синяк.

Зажмурилась, пытаясь заглушить голос внутри.

За окном шумел дождь, размывая городские огни в тусклые пятна света. Где-то внизу проехала машина — фары на секунду осветили потолок, потом снова темнота.

Лежала в объятиях мужа, который час назад клялся в любви, а неделю назад ударил по лицу. Который обещал море, а завтра может не прийти домой. Который был нежен сегодня, а послезавтра может привести своих дружков напиваться.

И не знала, кому верить. Ему или себе.

Повернулась на бок. Его рука соскользнула с талии. Он проворчал что-то во сне и перевернулся на спину.

Смотрела на его профиль в темноте. Знакомые черты. Прямой нос. Волевой подбородок. Слегка приоткрытый рот.

Когда-то казалось, что знаю этого человека лучше, чем себя. Сейчас понимала — не знала совсем.

Засыпала в его объятиях, вдыхая знакомый запах.

Почти поверила.

Я ещё не знала, насколько коротким окажется это затишье.

Глава 7

Прошло четыре дня. Четыре странных, почти сказочных дня, когда начала было думать, что чудеса случаются.

Вадим не пил. Приходил домой вовремя. Помогал по дому — сам, без напоминаний. Два раза приносил цветы — один раз ромашки, второй раз мимозы, ранние, пахнувшие весной. Смотрели фильмы, обедали вместе, разговаривали. О работе, о планах, о том самом отпуске на море.

Почти расслабилась. Почти поверила, что тот Вадим — пьяный, злой, агрессивный — был аномалией. Сбоем в системе. А настоящий Вадим — вот он, передо мной. Добрый, заботливый, любящий.

Сегодня была пятница. Проснулась с легким сердцем и даже насвистывала что-то, готовя завтрак. За окном моросил привычный октябрьский дождь, но казалось, что и он какой-то более теплый, более доброжелательный.

— Света, — сказал Вадим за завтраком, намазывая масло на хлеб. — Сегодня постараюсь пораньше вернуться. Может, сходим куда-нибудь? В кино, например?

— Правда? — Внутри распустилось что-то теплое и наивное. — Давай!

— Тогда где-то к семи постараюсь освободиться. Билеты заранее куплю.

Он ушел на работу, и осталась одна в квартире. Но одиночество не давило, как обычно. Наоборот — чувствовала себя... счастливой.

Убралась в квартире — быстро, весело, напевая себе под нос. Потом пошла в магазин и купила продуктов для праздничного ужина. Не просто макароны с сосиской, а что-то особенное. Стейки. Хорошие, мраморные, которые обычно себе не позволяла — слишком дорого. Свежие овощи для салата, багет, сыр бри, вино.

Сегодня будет отличный вечер. Чувствовала это всем нутром.

Дома занялась готовкой. Замаариновала стейки в травах и чесноке, нарезала овощи, приготовила соус. На десерт — тирамису из готовых коржей, но все равно красиво. Сервировала стол: белая скатерть, свечи, хорошие бокалы, которые берегла для особых случаев.

Особый случай. Наше возвращение друг к другу.

Даже платье надела. То самое, синее, которое он когда-то назвал "потрясающим". Не надевала его года два — некуда было. Зачем наряжаться, чтобы сидеть дома одной? Но сегодня надела. Подкрасила губы, уложила волосы. Посмотрела на себя в зеркало и почти не узнала. Женщина в отражении выглядела моложе, свежее. В ее глазах был блеск.

Была готова к идеальному вечеру.

К семи часам стол был накрыт, стейки ждали своей очереди на сковороде, свечи стояли в подсвечниках. Села на диване и ждала.

Семь часов.

Половина восьмого.

Восемь.

Телефон молчал. Набирала его номер — не брал трубку. То ли был занят, то ли просто не слышал.

Без паники. Может, задержался. Бывает. Пробки, работа, совещание затянулось.

Половина девятого.

Сидела у окна и смотрела на улицу. Каждый раз, когда внизу проезжала машина или кто-то входил в подъезд, вскакивала, думая, что это он. Но это был не он.

Девять.

Стейки в маринаде уже начали расплзаться. Салат подсох. Свечи так и не зажгла — зачем, если его все равно нет.

Позвонила ему еще раз. Отключен.

Отключен. Не просто "не берет трубку", а именно отключен.

Внутри медленно, как темная вода, поднималась тревога. Что-то случилось. Авария? Больница? Может, ему плохо?

Набрала номер Коляна. Может, он знает, где Вадим.

— Але? — хмельной голос Коляна.

— Колян, это Света. Извини, что беспокою. Ты не знаешь, где Вадим?

— Вадим? — Он явно соображал с трудом. — Ну, он же с нами. В баре. На Красной Пресне. А что?

Отключилась, даже не попрощавшись.

В баре. Он в баре. Пьет с друзьями. Вместо того, чтобы прийти домой. Вместо кино, которое обещал. Вместо нашего вечера.

Посмотрела на накрытый стол, на свое платье, на свое отражение в темном окне. Дура. Наивная, глупая дура. Действительно поверила?

Сняла туфли и пошла на кухню. Выключила духовку, где должны были запекаться стейки. Накрыла салат пленкой. Убрала вино в холодильник. Механически. Бездумно.

Половина десятого.

Он придет. Конечно, придет. Напьется и приползет. И тогда что? Устрою ему сцену? Заплачу? Буду упрекать?

Или опять промолчу, как всегда. Улыбнусь и скажу: "Ничего страшного, бывает". Потому что хорошие жены не устраивают скандалов. Хорошие жены прощают.

Одиннадцать.

Уже переделалась в домашнее, стерла косметику, распустила волосы. Сидела на диване и тупо смотрела в экран телевизора, где шла какая-то передача. Не слышала ни слова.

Без пятнадцати двенадцать на лестничной клетке — шум. Громкий, пьяный, развязный. Смех. Мужской и... женский?

Замерла. Это не он. Это не может быть он.

Скрежет ключа в замке. Промах. Еще раз. Наконец, щелчок.

Дверь распахнулась.

Встала с дивана и вышла в коридор.

Я застыла. В ушах зазвенело, пальцы онемели.

Вадим. Пьяный. Не просто выпивший — а пьяный в стельку, еле стоящий на ногах. Рубашка расстегнута, галстук съехал набок, на щеке — след от губной помады. Ярко-розовой.

За ним — Колян и Серый. Тоже пьяные, тоже хохочущие.

И две женщины.

Первая — блондинка. Вульгарная, крашеная, в короткой юбке и кофточке с глубоким вырезом. Она висела на шее у Вадима, как новогодняя гирлянда, и целовала его в щеку, размазывая ярко-розовую помаду.

Вторая — брюнетка, чуть скромнее одетая, но такая же пьяная, такая же развязная. Она держалась за руку Коляна и хихикала.

— Вадюш, а это и есть твоя квартира? — пропела блондинка, оглядываясь. — Миленько. Правда, маловато, но миленько.

Вадим увидел меня.

Стояла посреди прихожей в старых домашних штанах и футболке, босая, с распущенными волосами. Стояла и смотрела на них. На него. На женщину, висящую у него на шее. На этот кошмар, который ввалился в мою квартиру.

Несколько секунд он тупо смотрел на меня, пытаясь сообразить, кто такая и что здесь делаю.

— О, — наконец выдавил он. — Свет. А ты не спишь.

Не сплю. Какое наблюдение.

— Познакомься, — продолжил он, неловко отцепляя блондинку от своей шеи. — Это... э-э... коллеги. С работы. Мы тут на минуточку.

Коллеги. С работы. На минуточку.

Блондинка оценивающе посмотрела на меня. Сверху вниз. С плохо скрытым презрением.

— А, так это и есть та самая жена, — протянула она. — Привет. Я Кристина.

Она даже руку протянула. Посмотрела на эту руку с длинными накладными ногтями цвета фуксии и не пошевелилась.

— Ой, ну не обижайся, — Кристина хихикнула. — Мы правда на минуточку. Вадик обещал нас проводить.

Вадик. Она называла его "Вадик". Так его называла только я. И его мать.

— Так, девчонки, — Серый пихнул всю эту компанию в коридор. — Давайте быстрее. А то нам еще в клуб успеть надо.

Клуб. Они собирались в клуб. Они ввалились в мою квартиру посреди ночи, чтобы... что? Переодеться? Похвастаться перед этими женщинами своим жилищем?

Не могла ни сдвинуться с места, ни произнести ни слова.

Блондинка Кристина оттолкнулась от Вадима и прошла в гостиную, оглядываясь.

— Ого, а у вас тут уютненько. Диванчик милый. — Она плюхнулась на мой диван, закинула ногу на ногу. — Вадик, а где у тебя туалет? А то мне срочно надо попудриться.

Вадик. Она опять назвала его "Вадик".

Вадим неуверенно показал рукой в сторону ванной. Кристина встала и прошла мимо, облив волной дешевых духов. Смесь клубники и ванили. Приторная, душная, противная.

— Света, — Вадим наконец соизволил обратиться напрямую. Его речь была вязкой, слова напознали друг на друга. — Не обижайся, ладно? Мы правда на пару минут. Потом все уедут.

Не обижайся.

Не обижайся, что он забыл про наш вечер. Не обижайся, что пришел пьяный в стельку с чужими женщинами. Не обижайся, что привел их сюда. В наш дом. На нашу территорию.

Молчала. Просто стояла и смотрела на него. На его мутные глаза, на след помады на щеке, на расстегнутую рубашку.

Из ванной донесся смех Кристины, какое-то бряканье. Из гостиной — голоса Коляна и Серого, которые уже устроились на диване и включили музыку. Громкую, бухающую музыку, от которой дрожали стены.

— Вадик, а у тебя пиво есть? — крикнул Колян. — А то что-то жарко!

— Щас посмотрю, — пробормотал Вадим и направился на кухню.

Осталась стоять посреди коридора. Одна. Невидимая. Как призрак в собственном доме.

Брюнетка, подруга Кристины, прошла мимо, даже не взглянув. Как будто не существовало.

Медленно повернулась и посмотрела в гостиную. Колян развалился на моем диване, Серый рылся в шкафу, где хранились диски с фильмами. Музыка орала. Брюнетка танцевала, выделявая какие-то движения бедрами.

На кухне звякнули бутылки — Вадим нашел пиво.

Из ванной вышла Кристина, поправляя макияж.

— О, Серый! — крикнула она. — Ставь что-нибудь потанцевать! Давай отождем перед клубом!

Серый включил музыку погромче.

И тут что-то во мне переключилось.

Не испытывала боли. Не испытывала ревности. Даже злости — нет.

Только пустоту. Ясную, как лёд.

Посмотрела на эту картину. На этих чужих людей в моей гостиной. На женщину, которая танцевала на месте, где смотрела фильмы. На мужчин, которые жрали мое пиво. На Кристину, которая вернулась в гостиную и снова повисла на шее у моего мужа.

На моего мужа, который не оттолкнул ее. Который стоял с бутылкой пива в руке и тупо улыбался, глядя куда-то в пространство.

Он привел их сюда. В наш дом. Он привел чужих женщин в квартиру, где его ждала жена. Где был накрыт стол для праздничного ужина. Где стояли свечи и лежали стейки в маринаде.

И в этот момент, глядя на его довольную, пьяную, тупую рожу, поняла.

Поняла четко и ясно, без эмоций, без истерики, холодно, как хирург ставит диагноз:

Это конец.

Вадим наконец заметил меня. Моргнул, словно только сейчас понял, что происходит, отцепил от себя Кристину — она недовольно фыркнула — и шагнул ко мне.

— Свет, — начал он примирительным тоном. — Ну не дуйся. Они сейчас уйдут. Мы просто... — Он помолчал, подбирая слово. — Заехали. На минутку.

Посмотрела на него. На этого человека, с которым прожила десять лет. Которому отдала лучшие годы. Ради которого отказалась от карьеры, от друзей, от себя самой.

И увидела его впервые.

Не мужа. Не любимого. Не того обаятельного парня, за которого выходила замуж.

Увидела слабого, жалкого, испуганного мужчину, который прятал свою слабость за агрессией. Который бил тех, кто слабее. Который искал утешения в бутылке и в объятиях дешевых баб, потому что не мог справиться с собственной жизнью.

— О, Света, — вдруг произнесла Кристина, подходя ближе. Она смотрела с любопытством, как на диковинку в зоопарке. — А ты не обижайся, ладно? Мы не специально. Просто Вадик такой душка, пригласил нас посмотреть, как он живет.

Посмотреть, как он живет.

Перевела взгляд на нее. На ее размазанную помаду, на накладные ресницы, на дешевые духи, от которых тошнило. На эту женщину, которая стояла в моей прихожей и называла моего мужа "душкой".

И улыбнулась.

Не знаю, как это выглядело со стороны. Наверное, страшно. Потому что Кристина отшатнулась, а Вадим побледнел.

— Света... — начал он.

— Тихо, — сказала спокойно. Очень спокойно. — Не говори ни слова.

Развернулась и пошла в спальню.

За спиной:

— О как! Жена, видать, в душе! — хохот Коляна. — Вадик, братан, ты попал!

Закрыла дверь спальни. Села на край кровати. Посмотрела на свои руки. Они не дрожали. Совсем не дрожали.

За дверью орала музыка, слышались пьяные голоса, смех.

Сидела в тишине своей спальни и думала о том, что все эти годы жила не своей жизнью. Жила в чужом сценарии, играла роль, которую мне навязали. Роль хорошей жены. Терпеливой, молчаливой, удобной.

А сейчас спектакль закончился.

Встала и подошла к шкафу. Достала сумку. Открыла ящик комода и начала складывать вещи. Нижнее белье. Джинсы. Свитер. Носки. Самое необходимое.

Из гостиной донесся вопль Кристины:

— Вадик! Где туалетная бумага?!

Усмехнулась. Туалетная бумага. Конечно. Самое важное.

Взяла документы из тумбочки. Паспорт, инн, снилс. Мой диплом — тот самый, который пылился десять лет. Немного денег, которые прятала "на черный день". Три тысячи рублей. Смешная сумма. Но это все, что было.

Телефон. Зарядка.

Застегнула сумку и посмотрела на спальню. На кровать, где спала десять лет. На шкаф с нашими вещами. На стены, которые помнили и смех, и слезы, и крики.

Прощай.

Вышла из спальни с сумкой в руке.

В гостиной продолжалась вечеринка. Кристина танцевала с Серым. Колян что-то орал в телефон. Брюнетка рылась в холодильнике.

Вадим сидел на диване с бутылкой пива и тупо смотрел в экран телефона.

Прошла мимо. Прямо к входной двери.

— Света? — Вадим поднял голову. — Ты куда?

Не ответила. Открыла дверь.

— Света, стой! — Он вскочил, качнулся. — Ты куда собралась?! Это моя квартира!

Обернулась. Посмотрела на него в последний раз.

— Да, Вадим, — сказала очень тихо, но очень отчетливо. — Твоя квартира. Твоя жизнь. Твой выбор. Живи в этом. Один.

— Да ты что себе позволяешь?! — Он сделал шаг, но споткнулся о собственные ноги. — К хахалю своему побежишь, да?!

— Да, Вадим, — повторила, глядя ему прямо в глаза. — Именно к нему. К кому угодно, лишь бы не видеть твоего лица.

Вышла за дверь и захлопнула ее за собой.

Из квартиры донесся его крик:

— Света! Вернись немедленно! Света!!!

Не вернулась.

Бежала вниз по лестнице, не чувствуя ног. Сердце колотилось — казалось, выпрыгнет из груди. В ушах стоял звон. В глазах мутнело. Воздух ворвался в лёгкие — резко, обжигающе.

Не знала, куда иду. Плана не было, денег почти тоже. Была только сумка с вещами и одно желание — оказаться как можно дальше от него.

Выбежала на улицу. Дождь лил как из ведра. Промокла за секунды, но было все равно.

Была свободна.

Впервые за десять лет — по-настоящему, безоговорочно свободна.

И это было страшно. Но это было правильно.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.